

БОЕЦ ЗА БУДУЩЕЕ

Б. ЯКОВЛЕВ

Осенью позапрошлого года Верховный Совет обсуждал проект закона о гражданстве ССР. Словами одного депутата бурно поддерживалась вся Сессия. Огромный зал дрожал от оваций.

Читайте, завидуйте!

Я — гражданин Советского Союза,

заявил депутат Верховного Совета академик В. И. Образцов. Гордые слова Маяковского произвели как речь, прописанную самим поэтом.

За много лет до Второй сессии Верховного Совета были написаны «Стихи о советской пасторке». Ирошко «одинадцать лет, а они обладают все той же неослабевающей силой...». Прошло еще два года. Недавно, на Шестой сессии Верховного Совета, глава советского правительства разбрасывал смесь новых проклятий английских поджигателей войны. Венецианов отвечал на речь товарища Молотова и сегодня гремят строки любимого народного поэта:

Да, нас не смущать —
и горя мутят,
На всех жанерах
в марширующих ротах
слышу
один, и тот же мотив:
«Антимашка,
легче на поворотах!»

Написаны эти строки тринацать лет назад...

Товарищ Молотов напомнил депутатам о «соответствующих иностранных специалистах», которые летом прошлого года тщательно инспектировали финский военный плацдарм, сообщив о бесчисленных снарядах, бомбах и минах, направляемых английским правительством Маннергейму. Красная Армия разгромила призванные непророслими белофинские ДОТы. Каже чудесные стихи посыпались бы Маяковский героям боев на Карельском перешейке! Этих стихов нет. Но еще тринацать лет назад зоркий глаз поэта видел нараставшую опасность. Ведь еще в 1927 году Маяковский предупреждал:

Будут англичане к финнам в гости, пристань провожает, кидают твердолобыми. Будут не в поезд с пилотом да с тростью, — на бронепоездах, с минами, с бомбами...

Каждый день боев на Карельском перешейке вились новую страницу в летописи подвигов Красной Армии. Этими поливагами предшествовала величественная освободительная эпоха. Кому в сентябрьские дни 1939 года не вспомнились пророческие строки Маяковского, который еще в 1922 году, за семнадцать лет до освобождения изнывших единокровных братьев, предупреждал, что Польша

... Из лоскуточков скучена. Тут тебе сразу вся палитра. Слей такую! Потратила письменница Сиони одной тысячу лягров. Чувствуешь — Заденуть бы за лоскуточек вам, И вся она разлезется по швам...

Сталинская внешняя политика нашего правительства дала сокрушительный отпор «провокаторам войны», привыкшим заработать жар чужими руками... О том, что английская буржуазия «всегда предпочитала войну чужими руками», товарищ Сталин писал еще в июле 1927 года. Осенью 1927 года о той же, злакиейной Сталини, излюбленной тактике британских империалистов писал в гневных

стихах своей «Октябрьской поэмы» Маяковский:

Чужими руками жар треба, дым отечества пускают пострелины — выставляют впереди одураченных ребят...

Поэзия Маяковского — это своеобразная поэтическая энциклопедия нашего времени. Отдаленные от наших дней годы, строки поэта воспринимаются как созданные сегодня...

Через несколько недель снова открываются чудесные сны на окраинах столицы. Под сияющими триумфальными арками тысячи советских людей снова пройдут на Выставку социалистического земледелия. За 10 лет до ее открытия Маяковский в одном из своих стихотворений пророчески писал:

С памятник ростом будут наши капусты и наши моркови, будут лучшими в мире наши коровы и кони...

Прошло десять лет, и сотни тысяч колхозников — участников выставки отвечают на предвидение поэта...

Так звучат через десятилетие строки Маяковского, строки его самых «злободневных» и самых «газетных» стихов...

Маяковский с полным основанием утверждал:

Поэт настоящий вдувает заранее из скрипки ясное знание.

Что же помогает настоящему поэту пророчествовать ясное знание будущего? Как зоркий глаз поэта видеть за «искрой ясности» неугасимое пламя грядущего? Что рождает бессмертные пророческие строки?

Интересный ответ на эти вопросы дает Велемир Хлебников, этот, по выражению Маяковского, Колумб «новых поэтических материалов», один из величайших исследователей-изобретателей в лаборатории русского стиха.

Хлебников, которого Маяковский называл одним из своих «поэтических учителей и великоколенных и честнейших рицарей в нашей поэтической борьбе», в 1919 году писал, что стихи «тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость, но знаем, что весь хороши, когда она, как камень брошенный, за jakiгает настоящее».

Хлебников не умел определить, что создает эту поэтическую скорость. Мы это знаем теперь. Слово поэзия, как известно, один из многочисленных синонимов слова галант. Маяковский был гениальным поэтом, но дарование само по себе еще не дает путевку в бессмертие. Запечатльяющее настоящее нашей советской эпохи дано не всякому, пусть даже гениальному, поэту. Только одно качество делает подлинные стихи настоящего поэта бессмертным достоянием бессмертного советского народа. Денин еще в 1905 году определил это качество, заявив, что литература «должна стать партийной».

Маяковский был первым советским поэтом, подчинившим все свое творчество этому ленинскому принципу.

Большевистская партийность завоевала

поэзии Маяковского бессмертие и всенародную любовь.

РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПОСВЯЩАНО, написал Маяковский на заглавном листе своей поэмы о Ленине. Это посвящение относится не только к поэме. Все творчество Маяковского — от монументальных поэм до пурпурных опеределей агиток — было посвящено большевистской партии, ее великим идеям, ее гениальным вождям.

Да здравствует партия, строящая коммунизм! — восхлипал Маяковский. Его поэзия была вдохновенным гимном партии Ленина-Сталина, которой Маяковский безраздельно отдал «всю свою звонкую силу поэта».

«Все стомы» Маяковского были посвящены партийным книжкам. Поэт с полным правом мог поднять их как большевистский гарбильет. Ведь всем своим творчеством Маяковский учил советских поэтов

в каждой пыльнике бывать уметь, большевистского парфюма мель...

Только истинно «злободневное» становится вечным. Только вдохновленная настоящим поэзия завоевывает будущее. Этому учили советских поэтов генialный

«поэт-изобретатель, поэт-пропагандист».

Каждой своей строкой Маяковский понстипил говорил «векам, истории и миру».

Строки его «злободневных» стихов придут «к коммунистическому обществу» «весомо, грубо, ярко» именно потому, что он отдал «свое первое в арсенал вооружения пролетариата» — в арсенал коммунистической партии.

Маяковский утверждал, что «поэт — боец за будущее». Он ясно «видел то, что временно закрыто». К будущему, в коммунизм была устремлена вся его поэзия. «Грядущих дней агитатор» воочию видел «занятине, последавтрашнее человечество». Он видел советского человека

в новом грядущем быту, помноженном на электричество и коммунизм.

Он неустанно славил социалистическое отечество, которое есть, но трижды —

которое будет.

Это будущее социалистического отечества было любимой темой великого поэта. Ему носившему Маяковский свою поэмы и пьесы, свои лирические и агитационные

стихи, найдена в старых светлицах, обервена в черных трапицах, как мыши кота погребают, недруга своего провожают.

Пользуясь консервативной терминологией только для наглядного сравнения, можно установить, что первая строка — это третий, вторая — хорей, третья — усеченный трехстопный дактиль, четвертая — трехстопный амфибрахий, а последняя строка — беззаконная смесь дактиля с анапестом, да еще с лишним слогом. Но несмотря на полную нетоничность этого отрывка, стих интонационно-ритмичен и звучен, слова полноценны и на своих местах.

Домешние до наших дней стихи любовь показывают, что существует неско-ко видов русской строфы. Основной вид — двустиничье. Встречаются также трех- и четырехстиничные с общей рифмой и двустиничные с перифьющимся третьей строкой. Эти формы многократно применялись Маяковским в сатирических стихах и в «Мистерии-Буфф».

Быть сплошь влюблен в гибридную

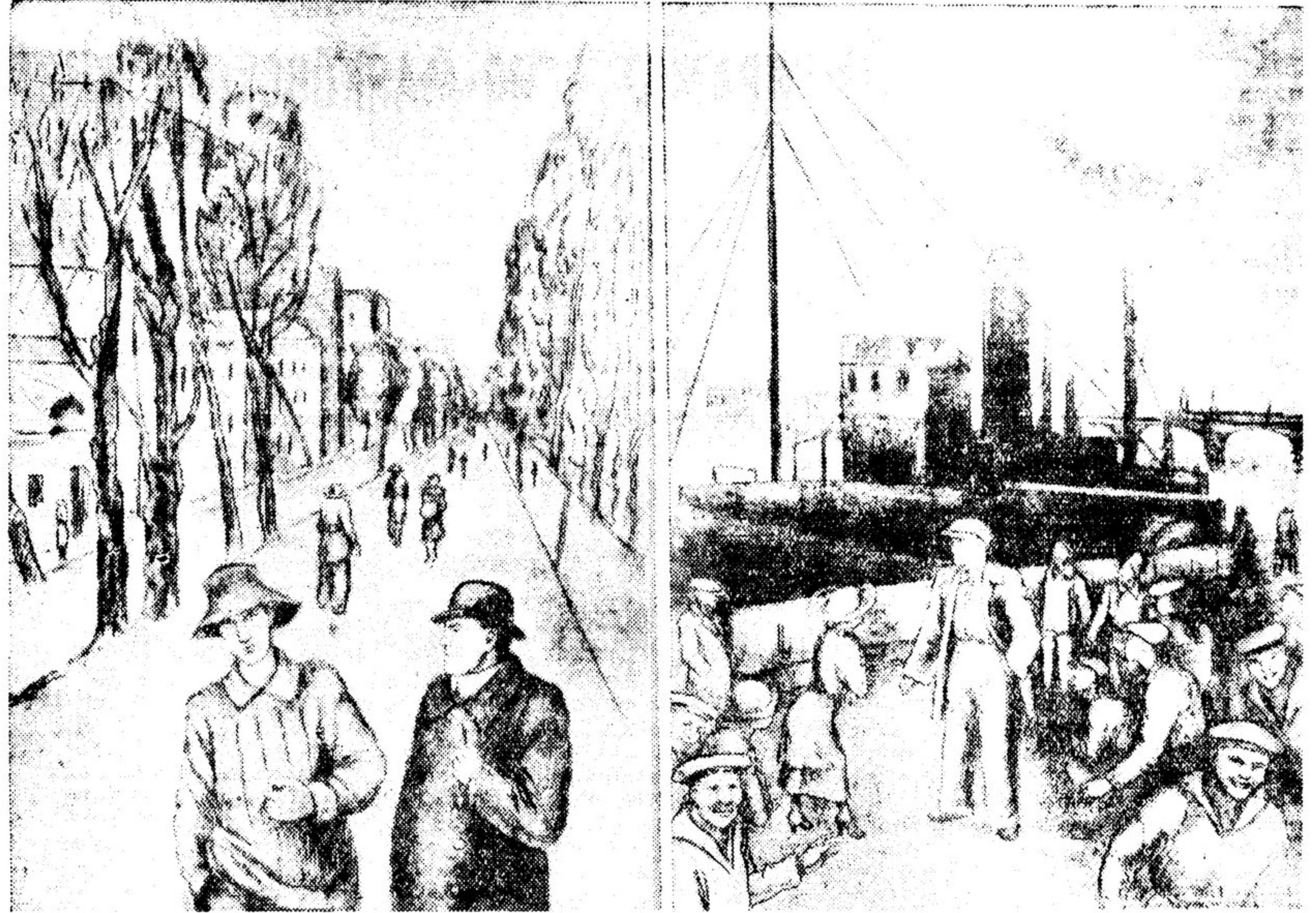
струю, —

Быть сплошь влюблен в любовь, —

Быть сплошь в

«Детская» Маяковского

С. ГОРОДЕЦКИЙ

В издательстве «Советский писатель» выходит книга Н. Асеева «Маяковский начинается». На снимках: иллюстрации работы художника М. М. Синяковой.

Маяковский в «Крокодиле»

Л. МИТНИЦКИЙ

Большой, широколицый, в одежде ладко скроенной и просторной, в баниках на толстой и проницаемой, в небрежно застолченной кепке и с неизменной папкой, которая громыхала в такт его широкому шагу, — он заходит под сумрачные своды редакции в Обжорном переулке.

И сразу, чуть не с порога, точно зашла он не с улицы, а из соседней комнаты, где только что разгорелся жаркий спор, начинают рассказывать о литературных фарсиках, любчиках и припюбленцах о вечернем диспуте в Политехническом музее, о византийских начальниках какойнибудь оголоткатурной дворянки...

— Тема, уже есть тема, — говорили, братя! — обрадовано кричал редакционный темист, — вот. Оголоткатурная дворянка. Она на привози. Справа от нее, или, нет — слева... или, нет, погодите. Можно ведь и так: двое разговаривают, один говорит...

— Вот именно. Двое разговаривают, один говорит... очень оригинальный будет рисунок, — извинительно басил Маяковский.

Он охотно принимал участие в советских редакциях, на которых обсуждали темы для карикатур. Очень увлекался, горячо вместе со всеми принимал удачную тему. Тут же сам придумывал сатирические сюжеты.

Онажмы на таком совещании, предлагаю тему, В. В. Маяковский упомянул о своем напутствии стихотворение. На этом же совещании случайно присутствовал легендарный малозвестный писатель — майя и завистливый человек.

— Не читал, не читал! — словно бравируя этим, сказал он.

Маяковский внимательно посмотрел на своего «коллегу» и тихо, с тепередаваемой грустью, сказал:

— А я вас читал...

*

Целую сатирическую галерею создают напечатанные в «Крокодиле» известные стихи В. В. Маяковского: «Любители затруднений», «Драка», «Идиллия», «Помпа», «Столы», «Зевс-опроверженец», «Полица», «Нон», «Ханка», «Послекробийский скопник» обстреливает стол в комах.

Маяковский писал о припюбленцах в революции, о полизах, лижущих у

выпирающих ногу и руку, о тех, кто, как был такой и есть — ручью виной, конопаченными Плюшки; он гневно писал о халтурищах, присосавшихся к искусству, о многосортном обывателе, который еще «на любые вкусы есть».

Пришла к нам в редакцию с новым стихотворением для журнала, В. В. Маяковский читал его вслух. Мы всем коллективом слушали поэта. Запомнился такой анекдот.

Мы в ту пору, в 1929 году, уже перебрались из Обжорного переулка в дом № 8 на Тверской, бывший конфекцион. Все это четырехэтажное здание было перегорожено фанерой, и приятно фанерные щиты не доходили до столика. Поэтому, когда Владимир Владимирович у нас в редакции, на третьем этаже, читал гуттум своим монитным голосом стихотворения, то слышно было на первом этаже. И сторож у входных дверей, поднимавши голову, говорил посетителям:

— Маяковский в «Крокодиле». Читает.

Читал Маяковский свое стихотворение «Зевс-опроверженец». И когда закончил чтение, в колпаке одобрения всплыл голос его материального сотрудника Самсонова.

— А мне не нравится! — сказал Борис Григорьевич? — изъединенно спросил Маяковский.

— Две строчки у вас не вытащились! — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

И когда спела член своего «Зевс-опроверженца», то все поклонились на притока.

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

Маяковский показал эти строчки на рукоши. Все мы были очень смущены. Но поэт ничего не замечал, он вполголоса перечитывал указанные строчки — раз и третий, и третий.

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

Читал поэт это стихотворение тяжелым голосом, что завлубом, синевший в презентуме, с каждой новой строкой вздрагивал и опасливо поглядывал на висячие лампы.

...Возвращались на грузовике по Сокольническому проезду. Маяковский все время спал свою пульс.

— Что с вами, Владимир Владимирович? — спрашивали.

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спросила: — А что, Борис Григорьевич есть?

— Что с вами, Владимир Владимирович?

— Да так. Температурка. Нездоровится мне сегодня. Но разве можно отказываться от таких встреч?

— Ну, как теперь, Борис Григорьевич?

— Да, вы правы, — сказал он вставая. — надо еще поработать.

Ирина ее стихотворение через несколько дней. Придя, спрос

БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Недавно вышел сборник рассказов Билья-Белоцерковского. Для тех, кто внимательно следил за творчеством Билля, эти рассказы являются органическим продолжением его пьес. В них он остается верен своей теме, своему кругу образов. Это — новые эпизоды из жизни одного нашего современника, постоянного спутника Билля, биография которого составляет содержание почти всех произведений писателя.

И судя по тому, что Билль рассказал нам до сих пор о своем герое, этой биографии хватит еще на много. Опытный Билья-Белоцерковского интересный, содержательный человек. Жизнь его полна драматических событий. Долгие годы он провел в скитаниях, в напряженной борьбе, гонимый по свету бичом жестокой эксплатации, нищеты, голода. В рассказах Билля под разными именами возникает образ непокорного скитающегося, пролетария, отчаянно держущего за свое место под солнцем. То он мэр на английском корабле, то негр-боксер, то «бездонный в крутом американском городе».

Бывают моменты, когда герой Билля стоит на краю гибели. Смерть подходит к нему вплотную. В рассказе «Пять долларов» чернорабочий, измученный долгой безработицей, вместе с тяжелым грузом пронесется вниз с высоких склонов.

Бездонный бородя из рассказа «В джунглях Парижа» подает от истощения на асфальт парижской плошади. Шумные, сверкающие город с нарядной толпой исчезает для него будто наяву. Ка-жется, нет силы, которая могла бы спасти этого человека, погибающего в джунглях цивилизации от голода и одиночества.

И все-таки герой Билля остается жить и снова появляется в его произведениях. И спасает его не благодетельный случай из повестей и пьес с благополучным концом. В нем живет фанатическая воля к жизни, неистребимое упрото. Побитый, искалеченный, измятый, он поднимается с падуба корабля, с песчаной арене ринга или с боливийской горки и снова идет в жизнь на ежечасную схватку с врагами, подстерегающими его на каждом углу.

Такие люди не погибают, не исчезают до конца все свои силы. Поэтому, даже умирая, они оказываются победителями. А перейдя на страницы театральной пьесы или повести, они чутко своим примером, как можно побеждать жизнь.

Что же это за фантастическая сила, которая движет героем Билля в его жизненных скитаниях и делает его таким стойким, почти непобедимым?

Спутники писателя борются не только за то, чтобы существовать, дышать воздухом и грызть червячные галеты. Он берется за человека, за право бедлогона париша, за человека, за право на браны, на удары. Для него существуют вещи страшнее смерти.

В этот книге писатель рассказал предисторию своего постоянного спутника. Его последующая биография прошла перед нами за последние двадцать лет в серии драматических произведений Билля.

В своих пьесах Билья-Белоцерковский вывел целую галерею разнообразных персонажей. Американские рабочие, матросы различных национальностей, партийные работники, советские хозяйственники, пашеры Домбасса, пограничники, интеллигенты различных категорий, писатели, поэты, писатели белоармянских кабиров в Берлине, европейские буржуазии и социал-демократы. Эти люди наполняют пестрой тканью его драмы и комедии.

Но среди них проходит тот же герой Билля, слепленный драматургом из особой любви к тщательности. Его прелестная жизнь в венных скитаниях и борьбе, жизнь, которую только сейчас рассказал Билль в своих новеллах, неизбежно привела его в ряды боев революции. Судьбу его в событиях революции на различных ее этапах и прослеживает Билль в своих пьесах. Преданный делу работе, этот герой Билля, привыкающий различные обличия, несет в себе тему прямого революционного действия, тему непримиримой борьбы с врагами.

Впервые в этом новом периоде своей жизни вчерашний матрос и поденщик появляется на советской сцене в билльском «Шторме» в образе знаменного «братья» — честного, неподкупного солдата революции. Под тем же именем мы встречаем этого героя и в «Штиле», в пьесе о первых годах ката. В «Луна слова» он появляется в образе председателя уездной Чеки в годы гражданской войны. В комедии «Запад первиняет» он в качестве советского хозяйственника едет за границу и там стреляется в немецкую немецкую революцию и уничтожит ту же, на месте, всех буржуазии и их политических защитников.

Ту же тему Билья-Белоцерковский раскрывает и в пьесе «Лызня зовет в образе Чадова. Это один из самых значительных образов Билья, созданных советской драматургией. В Чадове драматургом так же воплощены черты своего постоянного спутника-героя: страстьность бойца, прямота революционера, упорство в отстаивании сложившегося убеждения, воля к действию и то беспокойство, которое вело героя Билля по дорогам жизни. Это — беспокойство человека, для которого мир является не мертвый даунность, но материалом, подлежащим изменению и улучшению. Для Чадова жить — значит строить мир, преобразовывать его, устраивать просторный и светлый дом для нового человечества.

На Чадова пока в закачивается биография героя Билля, когда-то скитающегося по миру бездомным бродягой, кулачками пробивающим себе дорогу в жизни. Чадов якобы всего видел огромное расстояние, которое прошел этот неутомимый человек за годы своей жизненной борьбы. Те же свойства характера Чадова в прошлом билльском горе были отмечены началом стихийности, заглушавшей слепотой полутрагического человека. В последние же превращения билльского Чадова якобы все существенные черты его мысли, заглаживающей в завтрашний день человечество.

На Чадова пока в закачивается биография героя Билля, когда-то скитающегося по миру бездомным бродягой, кулачками пробивающим себе дорогу в жизни. Чадов якобы всего видел огромное расстояние, которое прошел этот неутомимый человек за годы своей жизненной борьбы. Те же свойства характера Чадова в прошлом билльском горе были отмечены началом стихийности, заглушавшей слепотой полутрагического человека. В последние же превращения билльского Чадова якобы все существенные черты его мысли, заглаживающей в завтрашний день человечество.

Билья-Белоцерковский хорошо чувствует динамику, драматизм жизненных процессов. Он всегда видит своих героев в борьбе, в острых драматических конфликтах. Это чувство драматизма покрывает все недостатки его пьес.

Как же поставлена комедия? Очень просто. Сохранины все линии сложного и разветвленного сюжета, ничего не свинчено в характеристиках, чистотою показаны мух и багет английского Ренессанса — всей этой багетной, избитой, еще отнюдь не чванной буржуазии, полной жизненных сокровищ в ее цветении и позема. Фальстраф — веер, по-своему не-

Литература цыган

История цыганской письменной литературы начинается только после Октябрьской революции. Ранее у цыган своей литературы не было.

В 1927 году в Москве возник первый в мире цыганский общественно-политический и художественно-литературный журнал «Романы зоря» («Цыганская зора»). Журнал отражал новый быт цыган, вел разъяснительную кампанию за переход цыган к оседлой культурной жизни. Нельзя перебрать радость, которую принесло цыганам первое печатное слово. Вскоре журнал был реорганизован в «Ново драму» («Новый путь»). Первыми авторами этого молодого журнала были Германо, Панков, Ром-Лебедев. Молодые писатели стали группироваться вокруг «Кузини». Этот период следует считать началом цыганской литературы. Он ознаменовался выходом в свет «Альманаха поэтов».

Мотивы романтического прошлого цыган в стихах поэтов, напечатанных в этом альманахе, переплытывались с воспеванием современного. Тогда же в глубоких драматических тонах написана Билья-Белоцерковским «Шторма», написанная на тему гражданской войны, проникнутая драматическим пафосом, открыла путь герояческой революционной драме на сцену советского театра. В том же глубоких драматических тонах написана Билья-Белоцерковским «Шторма», написанная на тему гражданской войны, проникнутая драматическим пафосом, открыла путь герояческой революционной драме на сцену советского театра.

Цыганская советская литература очень молода. Она насчитывает всего лишь несколько лет. Их художественная продукция еще немногочисленна.

...Всехими сердцами мы, цыгане, Песни запоем про молодость свою, Про нашу жизнь, как бросили кочевье, Как зажили в счастливейшем краю.

Народ, искреничество которого жаждали все буржуазные правительства во все времена, переживает сейчас в СССР период цыганско-юности.

Цыганский народ, вековой боярь, Былос забыв навсегда, Прерхсят на жизнь узренины шагом В мотучей ширине труда.

Читая стихи Германо, видишь, как невоюхата сирениния жизнь цыган на природу, полную горя и уныния.

Большие мотивы встречаются мы и в стихах начинающего поэта Валю Тимофеева:

«Красная Армия», «Новые ребятам», «Переродился человек», «Ноц ребятам», обединенные в его первой книжке «Гила».

Цыганских поэтов волнует и вдохновляет образ великого Сталина.

...И скитаться больше, не кочуя, В песнях наш парод твоя прорвались, Умирающих цыган врачуя, Ты их твердо на ноги поставил.

Ты новелла нас против работы злого, Ты любимую венесандорию.

И стальное стылинское слово Нам звездой сияет путеводителем.

(А. Германо).

Большая работа проделана цыганскими писателями по переводу крупнейших произведений Пушкина. В переводе Н. А. Панкова написано «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Дама с камелиями».

Писатели эти не совсем еще сформированы. Художественная ценность их книг далека от однолока. Но важно дружить.

Произведения их проникнуты чувством современности, и в этом их исклучительный интерес.

В настоящее время Никонов работает над переводом стихов Лермонтова.

Молодые цыганские писатели переводят также советскую литературу.

Александр Германо в своем творчестве отражает быт и жизненный уклад цыганского народа, его прошлое и настоящее.

Вспоминает беспространное прошлое, жизнь табора, Германо пишет:

...Вчера
Что видел ты? Увидел пол о чем?
Нужда, тоска и ты... Всегда чужое
небо.

Ночью крахи... Бегство... а потом
Небо! досматри из-за огрызка хлеба.

Молодой писатель Безлюдов в пебольшой книжке очерков «Психо из психо»

(*) Книги выпущены преимущественно Центриздатом и Гослитиздатом.

ЭДВАРД ШОЛОН.
Премьера в Хабаровске

Желтые лучи прожектора освещают бледное лицо женщины. Через несколько секунд зритель видит туных, беззупинных эпизодов, по вине которых потягла эта женщина. Вот старый сластолюбивый попугай Гильомен. Он с увлечением читает, вспомнил, пошмыгнул, роман, что читал, хихикает с каким-то страстью, конвульсивным увлечением. Торговец Лере с жаждой перебирает в своей конторе векселя, бумаги. В следующем митинге появляется ироничный клерк Леон Дюпон. С самовлюбленной улыбкой он настывает лайковые перчатки и торопится на новое свидание. Еще через две секунды в своей усадьбе появляется помещик Буланже в расширенном позолоченом халате. Он склоняется к трубке и смотрит в окно. Снова луч прожектора возвращается в постель, в которой лежит труп женщины. Тихо шуршит занавес.

Трагическая новелла Эммы Бовари, изображенная в обществе самодовольных глупов, мещан, сиплетин, торгаши, карберицы, закончилась.

Мысли, выраженные великим романистом в своей «Мадам Бовари», нашли яркое спектакльное выражение для зрителя.

Французская провинция прошлого века, которую есть глубокая мысль. И применено она не только гениям, но и ко всему подлинному художнику. Таков геройский характер художника, проявляющийся в различных ее пьесах.

Следует отметить в спектакле целый ряд актерских достижений. С большим художественным талантом ведет артист Германо, который в «Страсти-мордаси», «Мадам на колесах», «Мадам Чулара», «Мальва». В переводе О. Панкова мыши «Железная трава» Бахметьева, рассказы Ставского и другие.

В драматургии активны работают А. Германо — «Страсти-мордаси», «Мадам на колесах», «Мальва». В переводе О. Панкова мыши «Железная трава» Бахметьева, рассказы Ставского и другие.

Собрать писатель-цыган, обединить их, помочь им в их творческой работе — задача должна быть задача союза советских писателей.

Б. ЛИБЕРМАН.

Дереник Демирчян

В армянской литературе Деренику Демирчику принадлежит своеобразное и величественное место. И это не только потому, что он в равной мере наследует талант поэта-прозаика, драматурга и даже сатирика. Ильинский, один из немногих представителей старшего литературного поколения, Демирчику еще до революции был известен довольно широко как вполне сложившийся писатель. Теперь, приобщившись к советской культуре, он становится еще более известен.

Как поэт, Демирчян вошел в литературу еще в 1923 г. На родину со стихами, драматическими и лирическими, он сопровождался поэтическим всплеском.

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дереник Демирчян

Был ли Демирчян первым, кто начал писать стихи в Армении?

Дер

Ванда Василевская у московских писателей

Длинный, трудный путь привелось пройти Ванде Василевской, чтобы стать на советской земле, чтобы стать гражданкой советской страны. И она стала ею, стала одной из первых занятых женщин западных областей Советской Украины. Прошло с тех пор всего несколько месяцев, и известная польская писательница — депутат Верховного Совета Союза ССР. И вот Ванда Василевская — в Москве, на VI Сессии Верховного Совета.

«Странным, невероятным кажется открытие, что я могу находиться здесь. Точно в сказке», — писала она несколько дней назад в своей статье в «Правде».

Ванда Василевская пользуется каждым днем, чтобы глубже войти в жизнь советской страны, ближе познакомиться с условиями труда и быта советских людей. Писательница посещает крупнейшие промышленные предприятия и культурные учреждения столицы.

Три дня назад она встретилась со своими товарищами по профессии: московские писатели горячо приветствовали Ванду Василевскую в своем клубе.

Лев Никулин представил ей приветственные поздравления на вечере писателей: Ф. Гладков, Л. Славина, Е. Усевич, В. Школовского.

Пермитовская выставка

К столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова, в июне 1941 года, в Москве будет открыта всесоюзная выставка, посвященная жизни и творчеству поэта.

План создания этой выставки был обсужден на заседании выставочной комиссии юбилейного лермонтовского комитета, состоявшемся на днях под председательством академика И. К. Лупутона.

На всесоюзную выставку решено привлечь не только лермонтовские фонды Москвы и Ленинграда, но и кавказские материалы и документы. В частности, предполагается представить в фото и живописи путь Лермонтова на Северный Кавказ и по Северному Кавказу.

Чтобы облегчить составление экспозиционного плана выставки, решено разработать подробный тематический план ее под руководством крупнейших лермонтоведов страны. Для этого создано нескользко комиссий по главе со специалистами по дальнему периоду жизни и творчества Лермонтова.

Детально разработанный тематический план обеспечит направление по прямому пути разысков новых, до сих пор не известных, лермонтовских материалов. Есть все основания полагать, что эти разыски могут дать много неожиданных находок. Так, например, И. Аронников сообщил, что, по некоторым данным, после смерти Лермонтова Шан-Гирей, по поручению Арефьевой, передал в Ленинградскую публичную библиотеку книги личной лермонтовской библиотеки. К сожалению, не сохранились от того времени инвентарные книжки и таким образом лермонтовскую библиотеку в составе фондов Ленинградской публичной библиотеки несетко разыскать.

Но разработку тематического плана всесоюзной лермонтовской выставки комиссиям дан месячный срок.

Музей имени Д. Мамина-Сибиряка

СВЕРДЛОВСК (От наш. корр.). Обком ВКП(б) и облисполком принял решение об организации в Свердловске литературного музея имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

На предварительную работу по оборудованию и содержанию музея в 1940 году было выделено 50.000 руб.

Под музей отводится дом на улице Пушкина, принадлежавший в свое время Мамина-Сибиряку. В распоряжение музея поступает золотой исторический и научный материал и литературное наследство писателей-уральцев: Мамина-Сибиряка, Решетникова, Туринки, Ерикова, Заякина-Уральского, Чуприна, Погорелова, Киринчикова, Бондина, Коревановой.

Литературная жизнь в Кирове

Истекший 1939 год для членов литературной организации города Кирова был весьма плодотворен.

Прежде всего был подготовлен к печати и издан литературный альманах, куда вошли лучшие произведения местных авторов. Среди них поэма «Сама» И. Прокорова, повесть «Насыб» К. Горюновой, стихи колхозника Я. Петухова, а также фольклорные материалы, собранные в Кировской области: «Сказание о Дарежине», «Легенда о золотом пшенице», «Сказ о красном цветке» и т. д.

Большой творческий подъем среди местных литераторов вызвало решение организовать областной областного конкурса на лучшее художественное произведение для детей.

В январе 1940 года жюри подвело итоги конкурса. Первая премия была присуждена В. Акулинину за повесть «Старые и малые», построенную на материале гражданской войны. Две вторые премии получили Иван Прокоров — за поэму «Неструй» и М. Карпинев — за повесть «Юные сердца». Третий приз получил И. И. Беленков — за повести «Шляхта» и «Фонари из местечка» и Я. Петухов за стихотворение «Сон». Кроме того, жюри одобрило и рекомендовало к печати произведения десяти товарищей.

Повести В. Акулинина и М. Карпинева, а также сборник произведений, организованного жюри конкурса, будут изданы в 1940 году областным издательством.

Кроме того, издательство выпускает в текущем году первую часть романа В. Беленкова «Рассвет племенет», повесть Л. Фролова «За что?» (Короленко в вятской ссылке) и «Повесть о городе Кирове» В. Колобова и М. Ленина.

Редакция литературного альманаха сейчас готовится к печати новых сборников произведений и рассказов.

И. Прокоров пишет для сборника поэмы «Дружки». Новые стихи получены от В. Вояхиненко, Б. Косарева, Я. Петухова, Позы «Красноармейцы» и «Полежаев» и «Балладу о Сашке Бочаликове»; написаны Алексеем Мильчаковым, В. Заболотским в сборнике произведений, организованного жюри конкурса, будут изданы в 1940 году областным издательством.

Местные литераторы еще в прошлом году посыпали в свою писательские стихи, письма, просили дать консультацию. Но до сих пор не получили ответа.

Между тем растущая кировская литература вправе рассчитывать на квалифицированную помощь.

В. КОЛОБОВ
КИРОВ. (От наш. корр.).

Ученая степень М. А. Цывловскому

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждался вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

М. А. Цывловский возглавляет в настоящее время работу по составлению летописи жизни и творчества Пушкина, на основе которой будет составлена его научная биография.

В результате тайного голосования Ученый совет единогласно, по одному избирательному бюллетеню, постановил ходатайствовать перед Комитетом по делам высшей школы о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

М. А. Цывловский возглавляет в настоящее время работу по составлению летописи жизни и творчества Пушкина, на основе которой будет составлена его научная биография.

В результате тайного голосования Ученый совет единогласно, по одному избирательному бюллетеню, постановил ходатайствовать перед Комитетом по делам высшей школы о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-

кованный еще комментарий к произведениям Пушкина лицейского периода, который войдет в первый том академического собрания сочинений поэта.

На заседании Ученого совета Института мировой литературы 3 апреля обсуждалась вопрос о присвоении М. А. Цывловскому ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Профессора Н. Гудали, Д. Благой и Г. Винокур указывали на заслуги М. А. Цывловского в области литературоведения и особенно в пушкиноведении. Он является одним из лучших знатоков биографии Пушкина и истории его творчества. Широко популярны его работы «Пушкин в печати 1814—1837 гг.» в сборнике «Руко Пушкина». Своего рода энциклопедия пушкиноведения является составленный под его редакции «Путеводитель по Пушкину». Большое научное значение имеет его неопубли-